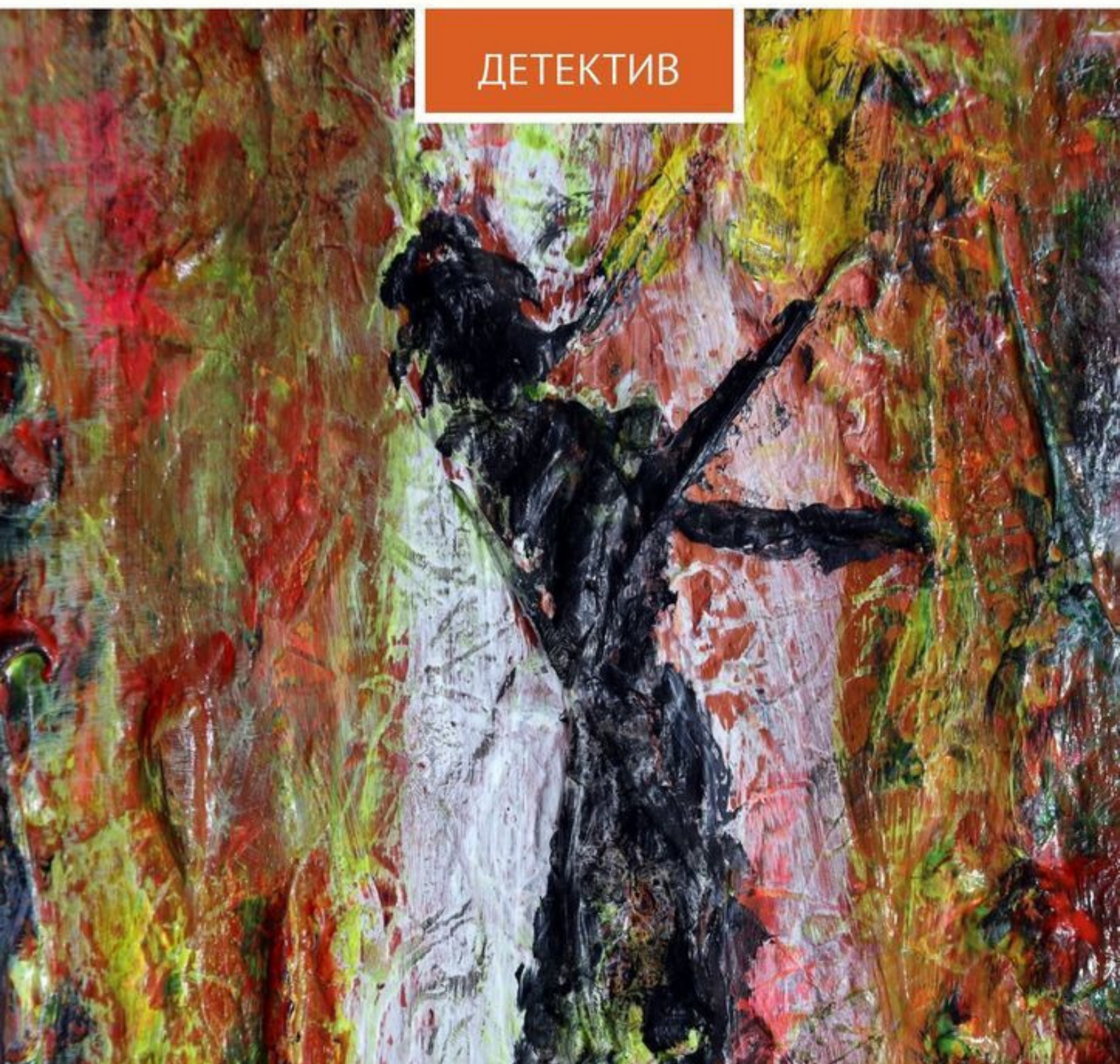

18+

ИСФАНДИЯР КАМЧИНСКИЙ

Русская Страсть вокруг Кинжала Моголов

ДЕТЕКТИВ

Исфандияр Камчинский

**Русская Страсть вокруг
Кинжала Моголов. Детектив**

«Издательские решения»

Камчинский И.

Русская Страсть вокруг Кинжала Моголов. Детектив /
И. Камчинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980995-7

В марте 2012 года в Петербурге, в доме, который до революции принадлежал князьям Нарышкиным, нашли клад. Среди ценностей был обнаружен некий кинжал из сокровищниц династии Моголов. Как кинжал оказался у Нарышкиных? Почему о такой важной находке никто и нигде не упоминает? Что стало с находкой после? В романе найдете все ответы на волнующие вас вопросы. Но особенно остро страсти накаляются вокруг находки после того, как кинжал попадает в руки московского антиквара...

ISBN 978-5-44-980995-7

© Камчинский И.
© Издательские решения

Содержание

КРАМЕР	6
ВСТРЕЧА С НЕЗНАКОМЦЕМ	7
ЖИЗНЬ АНТИКВАРА	9
КИНЖАЛ	10
ПРОВЕРКА НА ПОДЛИННОСТЬ	15
СДЕЛКА	19
ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОДОСЛОВНОЙ	20
ИСТОРИЯ КИНЖАЛА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Русская Страсть вокруг Кинжала Моголов Детектив

Исфандияр Камчинский

© Исфандияр Камчинский, 2020

ISBN 978-5-4498-0995-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРАМЕР

Лев Моисеевич Крамер был весьма неординарным человеком. Он выделялся в своей среде во всем, и даже его увлечения и жизненные ценности удивительным образом отличали его от окружающих. Изюминкой его личности была пунктуальность: наверное, сам Иммануил Кант мог бы позавидовать этой черте его характера. По словам Льва Моисеевича, он еще никогда не опаздывал на назначенную встречу. Если же второй участник не успевал вовремя, он вносил его в список «непунктуальных людей» и в дальнейшем воспринимал этого индивидуума как недостойного своего доверия, при этом никогда не брал в расчет обстоятельства, заставившие того задерживаться.

Кроме непунктуальности, его еще остро раздражали дождливые и холодные осенние дни. Иногда затяжные ливни настолько давили и угнетали его душу, что он впадал в состояние уныния и тоски. Дождливая погода осенью в большом городе негативно повлияла на его внутренний мир, всячески растрепала его, к тому же катастрофически не хватало солнечного света. Осенью в непогоду он старался не выходить из дома, о прогулке по парку и вовсе не вспоминал. Но самое удивительное, что, как только выпадал первый снег, он сразу менялся и становился веселым озорником. Прогулку по парку в снежную зиму он обожал, а больше всего ему нравился хруст снега под ногами.

Во второй половине сентября, после бабьего лета, он каждый год беспрерывно, вот уж больше двадцати лет, на месяц улетал в тропики. Там стояла совсем иная погода, чем в его родном городе. Изобилие солнечных дней и теплые океанские воды выветривали осеннюю хандру из его души, за месяц он получал достаточный заряд бодрости, в итоге по возвращении домой от хандры и следов не оставалось: действительность воспринималась гораздо легче.

По определенным причинам в этом году Лев Моисеевич Крамер отодвинул свой сентябрьский тур и пока оставался в столице. К счастью для него, сентябрь 2012 года принес с собой теплую погоду, дождей прошло относительно мало, температура воздуха в Москве была выше климатической нормы.

Во вторник, 25 сентября, было облачно, временами шли дожди, воздух разогрелся до тринадцати градусов. Крамер шагал по Старому Арбату и, несмотря на то, что было пасмурно и капал дождь, выглядел бодро. По его движениям и улыбке можно было предположить, что осенняя хандра пока не смогла нарушить целостность его внутреннего мира. Правда, стена позитива прочно окольцевала его душу, и он, напевая любимую мелодию, двигался вглубь улицы. На Арбате он всегда получал заряд бодрости и, как человек, знающий и любящий красоту, обожал это место. Для него тут было все родное, знакомое, здешняя атмосфера всегда грела его душу.

На Старом Арбате живость музыкантов, беспечность художников и певцов и в самом деле создавали ощущение вечного праздника. Если в Москве хандра взяла верх над вами и тягостные воспоминания начали колотить по памяти тяжелыми ударами, постарайтесь прогуляться по этой улице и при этом позвольте себе быть максимально сумасшедшими. Почувствуйте себя частью пространства, единицей чего-то целого, радуйтесь, безумствуйте, пойте с музыкантами, танцуйте, словно пьяный факир, и это будет первым шагом к победе над хандрой. Тридцать девятый троллейбус уже давно не ходит по Арбату, и вам придется все 1200 метров одолеть пешочком от начала до конца. Вы получите незабываемое впечатление.

ВСТРЕЧА С НЕЗНАКОМЦЕМ

Встреча была назначена у стены дома №37, входящей в Кривоарбатский переулок. Свидание планировалось в два часа дня, и в 13:55 Моисеевич уже был на месте.

По этому адресу стояла полуразрушенная стена, называемая в народе «стена Цоя», где собирались поклонники певца и любители рок-музыки. Увы, антиквар Лев Моисеевич к хиппующей молодежи никакого отношения не имел, также он был далек от рок-музыки, хотя к творчеству Цоя относился с большим уважением. Место выбрал не он, а человек, с которым он должен был встретиться.

Этот незнакомец вышел на него две недели назад, объяснив, что навел справки среди антикваров столицы, и многие указали на Моисеевича как на знатока и ценителя искусства, понимающего истинную стоимость предметов старины и, наконец, честного во всех отношениях. Мужчина предложил Крамеру некий дорогой товар, но не хотел по телефону рассказывать о деталях, намереваясь передать информацию лично. Сначала Моисеевич не воспринял его всерьез, но тот звонил раз за разом и настаивал на встрече, объясняя, что хочет просто поговорить о товаре. После очередного звонка он отправил на электронную почту Крамера всего одну фотографию. Лев Моисеевич на самом деле был весьма знаменитым антикваром, к тому же имел особый нюх на стоящие вещи, и эта фотография его сразу заинтересовала. При следующем звонке он согласился на встречу, и она была назначена на сегодня.

В пяти метрах от Крамера стояли двое рослых мужиков лет сорока, чем-то они напоминали иностранных туристов. Они тихо вели беседу и все время неторопливо смотрели по сторонам, будто любовались архитектурными красотами окружающих зданий. Но на самом деле эти двое были ближайшими помощниками антиквара; они всегда его сопровождали, и их основной задачей была непосредственная охрана шефа. Моисеевич сказал незнакомцу, что наденет длинный белый плащ, а в руках будет клетчатый зонт.

Вдруг из толпы тусующихся молодых людей появился человек, который и внешне отличался от них, подошел к Моисеевичу и заговорил:

– Это я – Алик, человек, который назначил вам встречу. Возьмите конверт. Внутри – флешка, на ней подробная информация о товаре, посмотрите, а об остальном после поговорим по телефону.

Антиквар хотел еще о чем-то его спросить, но тот не стал даже слушать и удалился, сразу же растворившись в толпе. Моисеевич аккуратно положил конверт во внутренний карман плаща и двинулся с места, медленно шагая и, как всегда, напевая любимую мелодию. Помощники шли за ним, держа дистанцию в полтора метра. Только сидя в машине, он открыл конверт. Там находился внешний накопитель памяти для компьютера. Лев включил ноутбук и вставил в него устройство: на нем было всего два файла. Один содержал фотографии, другой – какое-то видео.

В первую очередь антиквар открыл файл с фотографиями. На них был запечатлен кинжал среднего размера с изогнутым клинком, на котором красовалась надпись персидской вязью. Больше всего антиквара поразило вид рукоятки: позолоченная, вся в узорах, с обеих сторон блистали по пять полукруглых рубинов ярко-красного цвета. Исходя из размеров камней, можно было предположить, что каждый в среднем весит примерно 20 каратов.

Лев Моисеевич, торопясь, открыл второй файл с видеоматериалом: на нем чьи-то руки в резиновых перчатках держали и медленно переворачивали тот самый клинок, показывая его со всех сторон. После демонстрации общего вида кинжала во всех ракурсах руки измерили штангенциркулем диаметр каждого рубина на рукоятке: самый маленький был 16 миллиметров, а самый большой – 22. Затем руки в перчатках положили оружие в шкатулку, видимо, предназначенную именно для него. Сначала они закрыли крышку, показывая, что он лежит

внутри, а после, открыв ее, извлекли кинжал и положили рядом. Далее начали подробно демонстрировать в объектив камеры саму шкатулку, предназначенную для клинка.

Деревянная коробочка была со всех сторон отделана резьбой. Выполнена она было настолько утонченно, что при первом взгляде казалось, будто это не резьба, а рисунок по холсту. На лицевой части шкатулки в центре красовалась фигура некоего вельможи верхом на лошади, и по его одеяниям можно было догадаться, что это восточный правитель. По орнаменту Моисеевич предположил, что стиль близок временам Средневековья, вероятно, одной из центральноазиатских или персидских династий. На крышке шкатулки в середине закреплена золотая пластина прямоугольной формы, 100 на 50 миллиметров. На пластинке – надпись вязью на фарси. По обеим сторонам от золотой пластинки прикреплены серебряные диски диаметром 50 миллиметров. С левой стороны в центре диска находится круглый рубин диаметром 8 миллиметров. По окружности серебряного диска на одинаковом расстоянии крапачными закрепками удерживаются восемь голубых топазов. С правой стороны от пластинки – абсолютно аналогичная картина, прикреплен такой же серебряный диск, только центральный рубиновый камень больше, диаметром 10 миллиметров, и вокруг него также красуются восемь топазов.

Лев Моисеевич смотрел видео молча, словно не дыша, его охватила дрожь, и он замер от увиденного. Он включал ролик раз за разом, иногда останавливая на каком-нибудь месте, и тут же рассматривал этот момент на фотографии. Все 30 минут дороги до дома через московские пробки он не проронил ни слова. Когда машина остановилась у подъезда, Моисеевич снял очки левой рукой, правой потер уставшие глаза и произнес:

– Неужели есть такой клинок... Черт побери... Неужели... Но откуда он мог взяться? Откуда он?!

Фотографии и видео, которые он только что увидел собственными глазами, дали ему повод полагать, что кинжал существует на самом деле и это не подделка. Теперь он с нетерпением ждал того момента, когда бы смог реально увидеть антикварную вещь и потрогать.

ЖИЗНЬ АНТИКВАРА

Лев Моисеевич родился и вырос в Москве, он был москвичом в четвертом поколении. Как выходец из интеллигентной советской семьи, по традиции того времени тоже стал учителем. В советские годы преподавал историю в обычной московской школе. Страсть коллекционера в нем зародилась благодаря матери: она собирала марки. Лев начал ей помогать и в результате сам увлекся. Хотя благодаря этому их семья и не сколотила состояния, оказалось, что страсть к собирательству выработала в нем инстинкт дельца, и это было важнее денег. Эти навыки впоследствии ему очень пригодились.

В конце 1980-х советский общественный строй начал меняться. Лев, как и многие другие молодые люди в стране, почувствовал перемены и поменял род деятельности. Он ушел из педагогов, став предпринимателем. В эпоху гласности сначала пробовал себя в роли фарцовщика, покупал дефицитный товар и продавал знакомым по завышенным ценам. Дела шли хорошо, начали появляться деньги, заодно возрос аппетит к обогащению, и в 1989 году он с партнером открыл кооператив. Бизнес вроде пошел в гору, но через полтора года произошло какое-то недопонимание между партнерами, и в итоге их контора развалилась.

В 1991 году Моисеевичу уже исполнилось сорок лет, за плечами был богатый жизненный опыт, совокупность событий на жизненном пути закалила его характер, и он, не боясь трудностей, решил пробовать себя в новой сфере: начал заниматься скупкой и продажей антиквариата. Через год Лев убедился, что это его призвание: работа была ему по душе и к тому же приносила приличный доход. Он открыл свою фирму и продолжал расширять бизнес.

В настоящее время он имел антикварные магазины в нескольких городах России, например, в Санкт-Петербурге действовали две точки, а в Москве – целых пять. Он создал несколько сайтов в интернете, где проводились аукционные торги, и раскрутил их. На него работали более тридцати сотрудников. Крамер быстро усвоил, что в этом бизнесе важны доверие и репутация, и по мере возможности старался быть честным в делах. Даже в лихие 90-е он действовал по принципу «репутация прежде всего», и в итоге это сработало в его пользу: он зарекомендовал себя как человека, заслуживающего всяческого доверия, к нему тянулись клиенты, с ним хотели иметь дело.

КИНЖАЛ

Весь вечер Лев Моисеевич ждал звонка от незнакомца, назвавшего себя Аликом. Какая-то скрытая тревога охватила его душу, он стал беспокойным, ведь за всю профессиональную карьеру первый раз встретил такую красоту и теперь жаждал иметь ее в коллекции. Он настолько увлекся идеей заполучить кинжал, что почти каждый час пересматривал фотографии. Крамер задумчиво бродил по квартире, но на этот раз даже не напевал любимую мелодию. Он ходил с грустным лицом отверженного влюбленного подростка, задавался вопросами относительно природы происхождения кинжала. Лев страстно желал стать владельцем этой вещи, его сознание окончательно было затуманено красотой изделия.

Весь вечер антиквар копался в своих архивах, звонил знакомым оценщикам и людям, имевшим хоть какое-то отношение к антикварному делу. У всех узнавал информацию относительно кинжала с персидской вязью, но оказалось, что никто не располагал данными о таком предмете.

Продавец кинжала, который представился Аликом, после встречи на Арбате сразу же отключил свой мобильный телефон, и Лев Моисеевич не мог до него дозвониться. Это злило его. До поздней ночи антиквар ждал связи с покупателем, но контакта так и не последовало.

На следующее утро в районе девяти часов Алик наконец позвонил. В его голосе чувствовалась твердость характера, он говорил весьма уверенно и исключительно по делу. Алик объяснил, что кинжал находится у него, и если Лев Моисеевич на самом деле заинтересовался предметом, он смог бы устроить показ, а потом при следующем шаге оговорить цену и детали купли-продажи товара. Антиквар согласился. Алик назначил встречу на пятнадцать часов следующего дня у выхода из метро «Краснопресненская».

Для Льва Моисеевича место встречи, выбранное Аликом, казалось странным. Показ такого ценного предмета должен был состояться у выхода из метро, и с точки зрения антиквара, это было по крайней мере недальновидно, но, как человек, многое выдававший в жизни, он допускал и такое.

На следующий день Крамер со своими охранниками появился на месте встречи на десять минут раньше назначенного времени, и они втроем стали молча ждать появления Алика. Через пару минут заметили, что со стороны улицы Конюшковской к ним направлялся некий человек с азиатскими чертами лица, и когда тот подошел поближе, антиквар узнал Алика. Продавец товара был долговязым, носил синюю сорочку, сверху – длинный черный кожаный плащ почти до земли. Партнеры поздоровались, но не подали друг другу руки.

– Ну, если вы пришли, Лев Моисеевич, это означает, что и на самом деле хотите увидеть товар, а коль так, прошу, следуйте за мной. Пройдемся пешочком, это рядом, – произнес Алик.

От выхода из метро «Краснопресненская» они свернули в левую сторону и шагали вперед далее по улице Красная Пресня. Все это время между ними была мертвая тишина. Алик шел первым, вслед за ним трое, антиквар шагал посреди, по бокам – его помощники. Между Аликом и сопровождавшими его лицами сохранялась дистанция приблизительно полтора метра. Наконец метров через триста Алик остановился, повернулся к шествующим за ним и произнес:

– Итак, Лев Моисеевич, мы дошли до пункта назначения. Пусть двое ваших друзей остаются у входа, а мы зайдем в здание банка. Там однозначно ни мне, ни вам ничего не грозит, и вашей охране там нечего делать.

Выдержав паузу в несколько секунд, Алик продолжил, не дав высказаться антиквару:

– Но я не настаиваю... если хотите, можем все зайти в банк, ваши помощники посидят там, пока мы утрясем наш вопрос.

– Что же им стоять на улице, конечно, в здании теплее и уютнее, чем тут, – ответил Лев Моисеевич.

Товар находился в депозитарной ячейке, и с менеджером банка у Алика была договоренность, что ему в назначенное время предоставляют в пользование свободное помещение. Зайдя в банк, один из помощников Моисеевича уселся на стул, а второй стоял рядом с ним и не отводил глаз от шефа. Менеджер встретил Алика и повел их в специально отведенную для клиентов банка комнату. Войдя в переговорную, Алик предложил антиквару сесть и подождать его пару минут, а сам вместе с менеджером направился в зону, где находились депозитарные ячейки.

Через некоторое время Алик внес под мышкой в переговорную депозитарный ящик. Менеджер закрыл дверь и удалился, оставив клиентов вдвоем. На столе рядом с Крамером лежал его кожаный саквояж. Алик тоже положил свою ношу на стол, затем снял черный плащ и накинул на спинку стула. Сидя напротив Моисеевича, он открыл ящик, достал полиэтиленовый пакет и положил перед собой. Вынул из него две пары резиновых перчаток. Одну протянул антиквару, вторую надел сам. Пока Моисеевич неуклюже и с волнением надевал перчатки, продавец молча наблюдал за ним. Как только он справился, Алик достал из пакета ту самую шкатулку, фотографию которой антиквар уже не раз просматривал, и медленно открыл ее крышку, взял оттуда правой рукой кинжал и передал антиквару. После того как предмет оказался у покупателя, Алик, двумя руками держа шкатулку, протянул ее в сторону антиквара и поставил рядом с ним на стол.

Лев Моисеевич минут пять очень тщательно осматривал кинжал со всех сторон, потом положил его перед собой, открыл саквояж, достал инструменты, которыми обычно пользуется ювелир-оценщик, и разложил справа от себя.

Затем он надел на голову увеличительный монокль с подсветкой и приступил к изучению кинжала. Он то снимал монокль, то надевал его, то брал цифровой штангенциркуль и после измерения делал на бумаге какие-то заметки, то с помощью еще каких-то непонятных Алику электронных приборов исследовал рубиновые камни рукоятки. Можно сказать, к смотрянам Лев Моисеевич подготовился основательно.

Кинжал был относительно тяжелый, поскольку был изготовлен из различных металлов и камней. Легких материалов вроде дерева или слоновой кости мастер не использовал.

Клинок кинжала был шириной 40 миллиметров, длиной – 250, имел повышенную линию обуха.

Обух клинка имел ширину в 5 миллиметров. Ровно 180 миллиметров 5-миллиметровый обух тянулся одинаковым размером, а затем постепенно сужался до острия. Подход мастера был удивительным: по центру обуха вырезана борозда. Она, подобно желобу глубиной и шириной по 2 миллиметра, прямой линией доходила до места сужения обуха. Линия была позолоченной и настолько ровной, что на первый взгляд казалось, будто она нарисована золотой краской.

Клинок чем-то напоминал рог испанского быка. Первые 120 миллиметров линия обуха и линия лезвия клинка, начиная от гарды, двигались друг относительно друга по двум параллельным прямым. Далее линии обуха и лезвия постепенно поднимались вверх, при этом сужались и соединялись на острие ножа. В итоге получалось, что точка острия лезвия находится на целых 40 миллиметров выше начальной точки обуха от гарды.

Лезвие сохранилось достаточно острым, при этом на спуске клинка не было следов последующих заточек. На поверхности не замечалось царапин или шероховатостей, первичная шлифовка до сих пор сохраняла свою красоту и блеск, и это указывало на то, что по прямому назначению в качестве колюще-режущего предмета ее никогда не использовали.

На клинке с обеих сторон блистала позолоченная гравировка персидской вязью, причем с обеих сторон абсолютно одинаковая.

Гарда выступала за габариты клинка, с обеих сторон на 20 миллиметров. Вся рукоятка, начиная с гарды, была позолоченной. Рукоятка и гарда были украшены гравировкой.

С каждой стороны рукоятки по центру вдоль одной линии закреплены по пять больших рубинов. Вокруг них также было инкрустировано множество мелких рубиновых камушков: всего Лев Моисеевич насчитал 24. Свободное место между камнями было гравировано узорами.

На конце рукоятки сделан выступ в виде полукруга, радиусом 8 миллиметров. Полукруг по центру имел отверстие, в которое вдевалось кольцо из серебряной проволоки круглого сечения диаметром 4 миллиметра. Диаметр кольца составлял 12 миллиметров. В качестве темляка к кольцу прикрепили цепочку из 8 изумрудов. Они не были обработаны, не имели огранки, по форме каждый отличался от другого. Все были подобраны со вкусом и по размеру соответствовали друг другу. Каждый весил в районе 25 каратов и имел обрамление из серебряной пластинки, которая проходила по острым краям камня и держала его достаточно цепко в своих объятиях. С помощью серебряных мини-колец пластинка, обхватывавшая камень, соединялась с другой. К последнему, восьмому камню был прикреплен круглый золотой диск диаметром 30 и толщиной 3 миллиметра. С обеих сторон золотой диск полностью был покрыт вязью на фарси.

Кинжал каким-то чудесным образом смог до нынешнего дня сохранить свой первозданный вид.

После того как Лев Моисеевич завершил изучение кинжала, он положил его на стол, взял в руки деревянную шкатулку и приступил к ее осмотру. Шкатулка имела специфический и достаточно запоминающийся запах. Антиквар начал принюхиваться, стараясь угадать, чем же она пахнет. И тут заговорил Алик, который молча наблюдал за действиями антиквара:

– Можжевельник. В Азии в Средние века и даже до сих пор изящные деревянные предметы в основном изготавливают из горного можжевельника. Мореное дерево можжевельника не трескается, и самое главное, его запаха избегают многие насекомые-вредители, например, моль и ее личинки.

И в самом деле, на шкатулке не было ни одной даже малой трещинки, а может, этому помогла пропитка: дерево было обработано какой-то темно-красной жидкостью, и видимо, ее также изготовили из смолы этого дерева, поскольку запах можжевельника был очень устойчив.

Шкатулку изготовили как футляр для кинжала. Лев Моисеевич с волнением держал в руках изделие, которым недавно любовался лишь по фотографиям. Он медленно и весьма подробно исследовал каждый элемент узора, оставленного резчиком на поверхности предмета. После того как антиквар насытил свой взор внешним видом шкатулки, он бережно приоткрыл крышку и начал изучать ее внутреннюю часть. Она более ярко сохранила свой цвет и была также вся украшена узорами. Внутри были закреплены два бруска с выемками, чтобы укладывать кинжал. Такие же бруски, имевшие выемки по форме кинжала, расположились сверху: когда крышку закрывали, кинжал находился между деревяшками, и они цепко его держали.

Лев Моисеевич взял кинжал и положил его в шкатулку, закрыл крышку. После накрыл шкатулку руками и посмотрел в сторону своего партнера.

Алик в это время достал бумаги из внутреннего кармана плаща и по одной выложил их рядом с антикваром на столе:

– Я попросил, чтобы мне перевели персидскую надпись на шкатулке и на клинке. Вот какую информацию мне выдали: оказывается, на лезвии с обеих сторон абсолютно одинаковый текст. Эта надпись открывает и имя непосредственного владельца кинжала. Прочтите первую бумагу.

Лев Моисеевич прочел вслух:

– «Абу Музаффар Мухи-аль-дин Мухаммад Аурангзеб Оламгир».

Антиквар посмотрел на собеседника изумленно. Алик продолжил:

– Надпись выполнена персидской вязью, и это все имя одного человека, а не список владельцев ножа. В истории этот властелин известен как Аурангзеб, это падишах Империи Вели-

ких Моголов. Более подробную информацию о нем и об Империи Моголов вы найдете сами, я не очень силен в истории. А вот на шкатулке запечатлено имя совсем другого государственного деятеля. На золотой пластинке, также персидской вязью. Вот, прочтите второй лист, там перевод.

Моисеевич взял вторую бумагу и прочел:

– «От эмира Абдурахман-хана своему другу генералу Александру Абрамову».

Крамер хотел что-то сказать, но Алик перебил его и продолжил:

– Тут нужно подчеркнуть, что падишах Аурангзеб, первый владелец кинжала, жил в конце XVII века и правил империей, которая располагалась на территории современной Индии. А вот афганский эмир Абдурахман-хан, подаривший оружие генералу Абрамову, жил в конце XVIII века. Видимо, клинок принадлежал одному государю и лет через сто оказался совсем у другого правителя, потом попал в руки русского генерала и теперь может осесть у Льва Моисеевича, – он засмеялся.

Антиквар тоже улыбнулся: видимо, ему очень понравилась эта реплика продавца.

– И наконец, насчет надписи на золотом диске, который прикреплен к изумрудам. Это, оказывается, сура из священного писания мусульман. Мне объяснили, что ее используют как талисман для защиты от черной магии и злых чар, – продолжил рассказ Алик.

– Да, весьма и весьма интересно, – тихо сказал антиквар.

– Лев Моисеевич, наше время уже подошло к концу, – сказал Алик.

– Ну, тогда, с вашего позволения, я своим фотоаппаратом сделаю несколько кадров кинжала и шкатулки, – ответил антиквар.

Алик одобрительно кивнул. Крамер сфотографировал кинжал вместе с футляром и как только положил свой фотоаппарат на стол, Алик с радостным лицом произнес:

– Мы можем бесконечно любоваться неопишуемой красотой кинжала, однако время торопит, нас ждут дела. Если товар вам понравился, можете приобрести его и любоваться сколько хотите. Сегодня четверг, и если вы желаете сделать покупку, должны дать согласие на сделку не позднее субботы. Цена кинжала 300 000 долларов, торг неуместен, и я принимаю только наличные. И самое главное: вы должны учитывать, что если до вечера субботы не дадите согласия, предложение аннулируется автоматически. Если в субботу огласите положительный ответ относительно покупки, помните, что для проведения сделки у вас остается время до 18:00 понедельника. Случаи бывают разные, и если вдруг по каким-нибудь обстоятельствам в понедельник вы отложите покупку на следующий день, к большому сожалению, я буду вынужден отозвать предложение. Понимаю, что сроки сжатые, времени мало, но, увы, появились обстоятельства, которые вынудили меня действовать в рамках этих жестких правил. Изначально я выбрал только вас в качестве покупателя, но позже решил сделать предложение и другим заинтересованным лицам. И вот на горизонте появились еще покупатели, каждый ждет своего часа, и если до понедельника мы не сможем с вами завершить сделку, во вторник утром товар будет отправлен в другой город... Напоминаю, торг неуместен.

– Я вас услышал и буду иметь это в виду. Но будьте добры, ответьте еще на один вопрос: а как кинжал попал к вам в руки? – спросил антиквар.

– Могу честно признаться: это находка, которая лежала в укромном месте почти сто лет. Обнаружили его случайно, и произошло это совсем недавно. О кинжале, кроме меня и людей, нашедших его, больше никто не знает. Так что имейте в виду, товар не краденый, вам нечего беспокоиться по этому поводу, и соответственно, искать его никто не будет. Я думаю, пока этих сведений достаточно. Но если решите его приобрести, во время сделки я с большим удовольствием расскажу более подробную информацию.

После этого небольшого диалога Алик положил шкатулку с кинжалом в полиэтиленовый пакет, а пакет – в металлический короб депозитарного ящика. Бумаги с переводом персид-

ских надписей оставил Льву Моисеевичу. Перед тем как выйти из переговорной, Алик написал на документе номер телефона, передал антиквару и произнес:

– Вот мой настоящий номер, впредь звоните мне сами в любое время, думаю, теперь мы можем доверять друг другу. Я доступен двадцать четыре часа в сутки.

Они оба вышли из переговорной, к Алику подошел менеджер банка, и тот с депозитарным ящиком последовал за ним в зону хранения банковских ячеек.

Охранники антиквара уже вызвали транспорт для шефа. Машина ждала их прямо у выхода из банка. Лев Моисеевич с помощниками вышел из здания банка, и они двинулись к своему транспорту. И тут антиквар остановился у машины, посмотрел по сторонам, сделал глубокий вдох, достал мобильный телефон, намереваясь кому-то звонить. В этот самый миг рядом с их автомобилем остановилась другая машина, и из нее выскочили водитель и еще три пассажира, все четверо имели восточные черты лица. Они почти вбежали в здание банка и сразу же, через несколько минут, поспешно вышли обратно, но их уже было не четверо. Пятым был Алик. Перед тем как садиться в машину, он посмотрел на Льва Моисеевича, который за ним наблюдал, и кивнул ему.

Антиквар все это время разговаривал по телефону, но одновременно взглядом провожал Алика прямо от выхода из банка до момента, когда он сел в машину. Закончив разговор, Моисеевич сел к своим, и они тронулись в сторону Баррикадной улицы. В машине стояла гробовая тишина, и вскоре антиквар произнес:

– Дерзкий и наглый паренек, но говорит исключительно по делу. Никаких отклонений. Даже понравился мне... Володя, включи мою мелодию и сделай, пожалуйста, погромче...

Антиквар иногда в машине слушал классическую музыку, и когда он просил своего водителя Владимира включить «мою мелодию», тот знал, какую он имел в виду. В салоне машины заиграла тема антиквара, и в этот миг, находясь под впечатлением, он стал воображать себя новым владельцем кинжала. Мысленно он стал приравнивать себя к тем персонам, которые раньше имели эту вещь в собственности. Но тут опять мысли ушли в сторону, и он начал думать о том, насколько ценен данный экспонат. Предмет этот – довольно редкостный экземпляр, и нет оснований полагать, что это подделка. В силу своего происхождения кинжал имеет историческую ценность, а в силу техники производства – однозначно художественное произведение, имеющее также высокую культурную ценность. Изготовлен мастером высокого профиля, скорее, даже группой мастеров. По самым приблизительным подсчетам его можно продать западным коллегам за несколько миллионов долларов, а может, и за несколько десятков миллионов. Тут одни камни чего стоят, не говоря об остальном.

Его мысли лихорадочно блуждали вокруг ценного товара, но машина остановилась, и он из мира грез сразу очутился на переднем сиденье автомобиля. Через окно увидел, что уже подъехал к дому.

ПРОВЕРКА НА ПОДЛИННОСТЬ

Лев Моисеевич поднялся к себе и первым делом начал искать в интернете информацию о генерале Абрамове. Пока он читал биографию генерала, в голову опять лезли всякие мысли, и в том числе появились некоторые сомнения относительно подлинности товара. Как мог афганский эмир просто взять и подарить кинжал простому генералу?

Антиквару хотелось быть на сто процентов уверенным, что кинжал на самом деле принадлежал одному из властелинов династии Моголов и это не подделка. Он хотел окончательно разрушить свои сомнения, поскольку в противном случае не смог бы принять решение по поводу покупки товара. Лев Моисеевич начал искать мобильные номера знакомых оценщиков ювелирных изделий в столице. И в этот же вечер ему удалось назначить встречу трем коллегам в разных уголках города.

Первые два, посмотрев видео и фотографии товара, ответили, что это подделка высокого класса, работа мастера впечатляет, но если рассуждать логически, где она находилась столько времени? Была бы настоящая, давно бы всплыла, или у англичан, или у индусов. Неразгаданных тайн о драгоценностях императоров Моголов просто не осталось.

Третий ювелир-оценщик так и не смог дать конкретный ответ относительно подлинности кинжала, ссылаясь на то, что окончательную точку можно поставить только при личном контакте с товаром.

Домой антиквар попал поздней ночью и, несмотря на усталость, утром следующего дня встал достаточно рано. На восемь часов была назначена встреча с востоковедом-иранистом, которого он знал давно, но не видел почти десять лет. Когда вчера поздно ночью антиквар позвонил профессору и попросил уделить ему часок, чтобы проконсультировать по деликатному вопросу, тот сразу согласился и ответил, что готов принять друга в любое время. У Льва Моисеевича было мало времени, он намеревался за пару дней собрать как можно больше информации о кинжале, поэтому предложил встречу на восемь утра, и тот согласился.

Показал ему фотографии, и профессор подтвердил правильность перевода текстов, написанных персидской вязью на клинке и шкатулке. Востоковед очень настаивал, чтобы ему представили возможность разглядеть воочию кинжал, и страстно желал хоть раз подержать его в руках. Лев Моисеевич ответил, что товар пока не у него, а у продавца, а ему, как покупателю, отправили только фото и видео. Профессор вынес вердикт, что у него нет никаких сомнений: товар подлинный. Он весьма подробно разъяснил антиквару значение каждой детали на кинжале и каждого орнамента на шкатулке.

Особенно профессора поразили вид темляка – как, из чего и в каком порядке он был изготовлен. По словам профессора, его неспроста сделали именно из изумрудных камней в виде цепочки, в этом скрыта особая символика. Темляк представлен в виде амулета, и его основная функция заключалась в защите своего носителя от черной магии, именно поэтому изумрудные камни обрамлены серебром.

Изумруд считался на Востоке символом чистоты, верности и любви, и поэтому те, кто мог себе позволить, носили его в качестве талисмана. После распространения ислама мусульманские правители именно из-за зеленого цвета этого камня стали больше ценить его. Изумруд воспринимался как имеющий особую магическую силу, что наделяло его некой таинственностью. Счастливые обладатели верили, что камень оберегает их от несчастий.

Что касается серебра, оно у большинства народов во все времена считалось металлом, отгонявшим всякую нечисть и злых духов. В Индии из серебра делали амулеты и считали, что амулет из этого металла защищает от порчи и дурного глаза.

Золотой диск, прикрепленный к концу темляка, тоже имеет сакральное значение. Золото, как благородный металл, считается средством, которое способствует облагораживанию души.

Этот металл служит символом чистоты, избавляющим от болезней, укрепляющим и омолаживающим тело носившего его.

Все правители империи Моголов были выходцами из династии Бабуридов и исповедовали ислам. Именно поэтому на золотом диске с обеих сторон написаны строки из священной для мусульман книги. Точнее, текст взят из суры Аль-Бакара, поскольку у верующих мусульман именно она считается символом защиты от злых чар, дурного глаза и черной магии.

По словам профессора, сочетание изумруда, серебра, золота и текстов из Святого Писания использовали для того, чтобы оберегать владельца кинжала от черной магии. Вся работа весьма продуманна. Абсолютно понятно, что это царский заказ, и видимо, придворные четко объяснили мастерам, из чего и как изготовить кинжал. Каждая деталь имеет свой смысл и значение.

Профессор посмотрел на Льва Моисеевича и сказал:

– Теперь вы поняли, что находка просто бесценна...

Лев Моисеевич молча и внимательно смотрел на него. Профессор после продолжительной паузы положил фотографии на стол и продолжил:

– Что касается качества ювелирной работы, тут я не знаток и советами помочь не смогу, но чтобы окончательно стряхнуть с сердца сомнения, могу порекомендовать одного весьма одаренного человека. В Санкт-Петербурге есть у меня знакомый, реставратор ювелирных изделий, мастер высокого профиля. Если честно, я раньше интересовался историей Империи Моголов. И насколько мне известно, у нас в Эрмитаже тоже присутствуют предметы из сокровищницы ее владык. В конце 30-х годов XVIII века иранский правитель Надир-шах нападает на северную часть современной Индии, где в то время и располагалась Империя Великих Моголов. Иранскому шаху удалось взять город Дели и разграбить его. Он сумел похитить большую часть драгоценных изделий двора Моголов. Вернувшись на родину, Надир-шах в тот же год отправляет посольство в Россию с великолепными дарами. Видимо, при разграблении столицы Моголов он вынес столько драгоценностей, что позже с особой легкостью смог какую-то часть из них выслать с послом Российскому императорскому двору. Вот так они и попали к нам, и в настоящее время около двадцати предметов хранятся в Эрмитаже. Мой знакомый мастер по ремонту ювелирных изделий принял участие в реставрации этих изделий. Он с одного взгляда сможет определить работу мастеров двора Моголов.

– Пожалуйста, назначь мне встречу, прямо сегодня буду у него, – попросил Лев Моисеевич профессора.

Тот достал записную книжку, пролистал пару страниц и нашел номер мобильного телефона этого реставратора. В ту же минуту позвонил ему и объяснил, что отправит к нему сегодня своего друга, которому нужна консультация по весьма деликатному вопросу. После завершения разговора профессор написал на бумажке номер и домашний адрес ювелира и передал Льву Моисеевичу.

Антиквар, поблагодарив профессора, вышел от него и еще в лифте позвонил своей секретарше, чтобы она срочно заказала ему билет на ближайший авиарейс до Питера. Он еще не дошел до авто, как секретарша оповестила его: ближайший рейс на сегодня в 12:45 из Домодедово, и есть свободные места. Лев Моисеевич посмотрел на часы и дал добро на приобретение билета, вдобавок также попросил заказать обратный билет на сегодня, на любой рейс после восьми часов вечера.

В два часа дня Лев Моисеевич уже приземлился в аэропорту Пулково, тут же позвонил реставратору для уточнения встречи, и тот предложил встретиться не у него дома, как договаривались изначально, а в мастерской. Антиквару было все равно, и он молча записал продиктованный адрес.

Лев Моисеевич в северной столице имел достаточно много друзей и знакомых и всегда мог рассчитывать на их помощь, но на этот раз он никому не позвонил и никого не оповестил о своем приезде. Просто по прибытии взял такси и напрямик поехал к реставратору.

Специалист встретил Льва Моисеевича и провел его в свою мастерскую. Он был худощав, среднего роста и довольно преклонного возраста. По его словам, начиная с 1972 года прошлого столетия он работал в лаборатории научной реставрации драгоценных камней, которая действовала при отделе научной реставрации и консервации Эрмитажа. На одном месте трудился без малого 23 года. В 1995 году ему исполнилось 60, и по настоянию дочери и зятя мастер ушел из лаборатории. Он перебрался к ним в частную фирму, которая занималась реставрацией драгоценных камней и ювелирных изделий.

После чаепития Крамер выложил перед ним фото кинжала, показал видеоматериалы и попросил высказать свое мнение: подлинна эта работа мастеров империи Моголов или же искусная подделка. Реставратор, изучая фотографии и видео, беспрерывно комментировал, что ему удалось разглядеть:

– Работа придворных мастеров ювелиров эпохи Моголов специфическим образом отличается от изделий до и после того времени. Творение их рук знающий человек всегда может распознать. Огранка драгоценных камней мастерами империи Моголов была не на высоком уровне, формировались всего несколько граней, и углы между ними также были произвольными, или же они просто обрабатывали самородки методом кабошон. И поэтому многие драгоценные камни, прошедшие через руки мастеров того времени, не имели присущей им игры. Но хочу подчеркнуть, что тогда использовались исключительно высокосортные камни, без изъянов. Обилие рубинов и изумрудов на изделиях было характерным почерком.

По фотографиям можно определить, что огранка больших рубиновых камней имеет свою особенность, и это доказывает, что работу проводили непосредственно придворные мастера Моголов. Огранщики того времени имели характерный почерк. Камни помещались в глубокое гнездо, и их лицевая часть – плоская грань, которую иногда называют площадкой, поднималась так, чтобы быть заподлицо с поверхностью рукоятки. Метод закрепления драгоценных камней на кинжале соответствует технике, которую использовали при Моголах. Он придуман индийскими мастерами, называется «кундан», что в переводе означает «сверхочищенное золото». Это отличительная особенность ювелиров династии Моголов. Такая техника закрепления камней была известна индийским мастерам с глубокой древности, но более широко ее начали использовать именно во времена Империи Моголов. Эта эпоха считается рассветом кундана.

Мастера работали только с золотом высшей пробы. Из него изготавливали тонкую фольгу, которая становится клеей и может сцепиться с поверхностью других металлов, причем на молекулярном уровне.

Ювелиры виртуозно раскатывали золотую фольгу и специальными инструментами обжимали ее вокруг камней, создавая необходимое давление. В результате золото прикреплялось к ним намертво, и никакие крепежи в виде держателей или лапок не требовались. Во время обжима фольги вокруг камня мастер придавал ей нужную форму. В итоге получался наипрекраснейший вид, словно драгоценные камни утопили в расплавленном золоте и все застыло в мгновение. Необычайная красота, удивительная техника, которая придает рубиновым камням особый, неотразимый шарм. Придворные мастера виртуозно овладели этим искусством.

Мой вердикт уже вынесен: безусловно, этот кинжал – творенье придворных мастеров эпохи Великих Моголов. Это не подделка.

Но у кинжала нет ножен, вместо них я наблюдаю шкатулку. Конечно же, изначально ножны были, и это не предположение, а факт. Все клинки, изготовленные для восточных правителей, в том числе для падишахов Великих Моголов, в обязательном порядке имели свои ножны. Это Восток, и без такого футляра владелец не мог показать оружие. Для всеобщего

лицезрения прелестного экспоната его нужно было надеть на пояс, причем только в ножнах – это наиважнейший атрибут.

Придворные мастера Моголов старались сделать внешний вид ножен красивым, ярким и впечатляющим, украшали поверхность всевозможными драгоценными камнями и золотом, и порой они становились такими же дорогими, как сам кинжал. Видимо, этот экземпляр часто предавался из рук в руки, и в итоге ножны где-то затерялись. Позднее кто-то из его последующих владельцев принял решение изготовить шкатулку для хранения ножа, и это тоже гениальное решение.

– То есть вы однозначно уверены, что нож не подделка? – перебил его Лев Моисеевич.

– Абсолютно уверен, это не подделка, а исключительно оригинальная работа придворных мастеров Империи Моголов. У меня нет никаких сомнений, – ответил реставратор.

– Ну если так, я получил ответ на свой вопрос. Мне остается вас отблагодарить и спешно откланяться, – сказал антиквар.

– Но у меня остается одно пожелание, и думаю, вы не откажете старому мастеру. Надеюсь, как только кинжал окажется у вас, вы дадите мне знать и предоставите возможность подержать его в руках? – спросил реставратор.

– Конечно, с большим удовольствием, даю вам слово, – ответил Крамер.

Этим же вечером в 22:20 Лев Моисеевич приземлился в аэропорту Шереметьево, где его уже ждали помощники. Как только машина с антикваром двинулась в сторону столицы, он попросил поставить любимую мелодию. Заиграла классическая музыка, и мысли Крамера опять начали блуждать вокруг кинжала. Но на этот раз на душе у него было не облачно, а достаточно светло. Можно даже сказать, что там сияло солнце, поскольку он теперь был уверен в подлинности клинка, и предчувствие, что именно он станет его владельцем, заполнило все его нутро.

СДЕЛКА

В субботу в районе десяти часов утра антиквар позвонил Алику и дал согласие на покупку товара. Встречу утвердил на десять утра понедельника, а местом проведения сделки Алик обозначил здание банка, где он показал антиквару кинжал.

В понедельник по договоренности с менеджером банка продавец заранее все подготовил, ему снова выделили комнату, где также присутствовал аппарат для проверки и подсчета денег.

На понедельник, кроме своих помощников, Лев Моисеевич также заказал услугу по сопровождению частных лиц у одной охранный конторы. В назначенное время антиквар с охраной зашел в здание банка. Менеджер любезно встретил их и предложил сопровождающим лицам расположиться на офисном диване, а антиквара и Алика пригласил в переговорную комнату.

Все произошло достаточно быстро и малословно. Пока Алик считал деньги на аппарате, Лев изучал кинжал. После того как продавец убедился, что сумма количественно совпадает с той, которую он запросил, и аппарат также не выявил фальшивых купюр, он произнес:

– Все в порядке, наша сделка состоялась.

– Вы, по-моему, обещали кое-что рассказать о купленном мною товаре, – произнес Моисеевич.

– Да... Расскажу кратко, как предмет попал ко мне. Вы должны помнить удивительную историю, которая произошла весной этого года в Питере: при проведении реставрационных работ в старинном доме нашли клад.

– Да, я знаю эту историю в подробностях.

– Так вот, люди, нашедшие драгоценности, обнаружили среди них и этот кинжал и смогли вынести его с территории объекта вместе с несколькими негабаритными предметами еще до того, как информация о кладе стала достоянием правоохранительных органов и общественности. Так что он нигде не засветился, и никто о его существовании пока не знает. На меня вышли напрямую ребята, обнаружившие кинжал, и я сам съездил за ним в Питер.

Антиквар с серьезным лицом выслушал собеседника и замер, больше не задавая никаких вопросов. Алик положил в рюкзак деньги, а Лев спрятал в саквояж только что приобретенный предмет, они вышли из переговорной комнаты в коридор молча, но со счастливыми лицами, и пожали друг другу руки. Продавец подошел к менеджеру банка, и они вместе опять направились к сейфовым ячейкам, а второй с командой сопровождающих вышел на улицу, все сели по машинам и тронулись по Красной Пресне в сторону Садового кольца.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОДОСЛОВНОЙ

Лев Моисеевич в этот миг был одним из самых счастливых людей на земле. Выйдя из машины у дома, сразу помчался к себе в квартиру, а помощники сопровождали его прямо до двери. Войдя внутрь, он сразу закрылся в библиотеке и находился там почти два часа.

Антиквар никак не мог насмотреться на такую красоту. Кинжал словно магнит притягивал его, какая-то необъяснимая энергетика пленила его душу. Два часа, не отрываясь, он изучал оружие и любовался им, и для него это время пролетело словно десять минут.

Моисеевич считал себя везунчиком и всегда твердил близким, что больше побед будет у того, кто сильнее рискует. Видимо, его теория пока работала, и в этот раз также риск был оправдан, ведь он не стал нанимать группу независимых оценщиков, как обычно делает при покупке дорогих предметов. Вместо этого сам оценил все риски, проконсультировавшись всего с несколькими знатоками ювелирных изделий, и то по фотографиям. В результате принял решение о приобретении кинжала – и не прогадал.

Начиная с этого дня он стал заниматься сбором информации о происхождении клинка, намереваясь воссоздать всю его историю. Он хотел отыскать его всевозможных владельцев и подробно выяснить, как он попал в Россию. Как сам любил выражаться: «Пришло время для воссоздания родословной».

Для ведения работ по сбору данных о кинжале он не жалел средств и набрал профессиональную команду, которая состояла из историков, журналистов и частных детективов. Все получали щедрое вознаграждение. Его блестящая команда работала по алгоритму, который он сам придумал. Суть заключалась в следующем: так называемый куратор выдавал отдельным лицам определенные задачи по сбору данных, затем обрабатывал эту информацию и стыковал с другими полученными сведениями. Шаг за шагом он воссоздавал цепочку исторических событий, связанных с кинжалом.

Близкая знакомая и подруга Льва Моисеевича, бывшая сотрудница Института восточных рукописей, некая Анна Быстрицкая выступала в качестве куратора. Именно она анализировала полученную информацию и после обработки давала новую задачу, даже пришлось отправить пару журналистов в Индию. Быстрицкая была грамотным специалистом, профессионалом и мастером высокого уровня.

Два года назад она ушла из Института и открыла фонд, который занимался продвижением социальных проектов в области культуры. Быстрицкая была из категории людей, которые находят спокойствие и уединение именно в работе. Она была весьма энергичной, и как знаток предметов искусства, вполне востребована: за консультацией к ней обращались представители частных музеев и многие антиквары. Как знаток древних рукописей народов Востока, она нередко выступала с докладами на симпозиумах и форумах.

Лев Моисеевич был практичным человеком. Занимаясь антикварным бизнесом, он старался подружиться с нужными людьми. Одной из таких оказалась Анна Быстрицкая, и с ней он дружил уже более пятнадцати лет. Как большинство из нас, женщина имела много слабостей, но одна из них была выражена ярче остальных: чрезмерная любовь к деньгам. Лев, зная это, предложил хорошее вознаграждение за оказание услуг по воссозданию истории кинжала, и она охотно согласилась.

Восемь месяцев кропотливой работы, с октября 2012 года по май 2013-го – и команде под руководством Анны удалось восстановить судьбу оружия.

ИСТОРИЯ КИНЖАЛА

Легенда получилась достаточно интересной. Как и следовало из надписи персидской вязью на клинке, оружие действительно принадлежало одному из падишахов Империи Великих Моголов, которого звали Аурангзеб. Повторим его полное имя, запечатленное на клинке:

Абу Музаффар Мухи-аль-дин Мухаммад Аурангзеб Оламгир.

Аурангзеб был одним из сыновей того самого падишаха Шах-Джахана, который построил мавзолей-мечеть Тадж-Махал в нынешнем индийском городе Агре.

Сам падишах, Аурангзеб, был достаточно образованным человеком и хорошим знатоком искусства и литературы. Именно одна из его дочерей, которую звали Зебуннисо, впоследствии стала одной из блестящих поэтесс в истории персидской литературы. Странной чертой характера этого восточного падишаха было то, что, несмотря на богатство, он был скромен в быту и носил достаточно простые одежды, но при этом очень высоко ценил предметы искусства и часами мог любоваться ими.

Непосредственно по приказу падишаха Аурангзеба из разных уголков империи в город Дели, столицу, пригласили именитых мастеров того времени, где они изготавливали различные предметы искусства. Именно по его заказу был выполнен этот кинжал, и для этого он дал добро использовать драгоценности из казны, а также предоставил рубины и изумруды из личного ларца. Это была исключительно его идея – украсить рукоятку камнями.

Таким образом, стало доподлинно известно, что кинжал был сделан в XVII веке на территории современной Индии, во времена правления Великих Моголов, по приказу Аурангзеба. По орнаменту чувствовалось, что в его изготовлении принимали участие индийские и персидские мастера, поскольку присутствовали элементы, присущие обеим школам.

В 60-е годы XVIII столетия представитель объединенных пуштунских племен, живущих на территории современного Афганистана, Ахмад-Шах Дуррани собрал войско и напал на остатки Империи Моголов с севера, а после бесконечных бесчинств и зверств возвратился с огромной добычей в Кабул. Во время этого похода кинжал Аурангзеба попал ему в руки: так он стал его владельцем. В дальнейшем оружие принадлежало афганским правителям.

Почти сто лет кинжал находился в их руках, кочуя от одного вельможи к другому. В середине 50-х годов XIX века ее владельцем становится афганский эмир Мухаммад Афзаль-хан, и по данным достоверного источника, именно он еще при жизни передал кинжал в наследство своему сыну, будущему эмиру Абдурахман-хану.

Судьба его была очень непростой. Пройдя трудный и тернистый путь, он все-таки сумел взять в руки бразды правления Афганистаном. Борьба за престол для молодого человека начинается с 1867 года.

В этот год умер от холеры его отец, действующий эмир Мухаммад Афзаль-хан, и молодому и неопытному Абдурахман-хану пришлось побороться за престол с родным дядей. Междоусобица и борьба за власть между близкими родственниками в Афганистане вплоть до XX века были не редки. При прямом столкновении воинов Абдурахман-хана и сил его дяди будущий эмир был повержен. Противнику удалось наголову разбить войска молодого Абдурахман-хана вблизи города Газни, и ему с родными оставалось только спасаться бегством.

После долгих скитаний в 1870 году он попадает к русским, в Самарканд. В эти годы русские войска уже основательно заняли территорию тогдашнего Туркестана.

До этого он сначала искал покровительство в Индии, оттуда приехал в Персию, а после появился у эмира Бухарского, но ни у кого не получил радушного приема. Молодой Абдурахман-хан везде был принят холодно и недружелюбно и пришел к выводу, что по требованию Кабула в любой момент его могут арестовать и отправить в Афганистан. Последним его при-

станищем стала Бухара, но и тут он почувствовал недоверие и неискренность эмира и его окружающих, что заставило его в скором времени уехать.

13 февраля 1870 года будущий эмир Абдурахман-хан в сопровождении 221 человека, среди которых были члены его семьи, личные слуги, а также группа приближенных воинов, прибыл в Туркестан, в Самарканд, к генералу Александру Абрамову. Вот уже два года, как древний город был завоеван русским войском под командованием генерала.

Александр Константинович Абрамов был великим стратегом и грамотным военачальником, который мыслил весьма широко и масштабно. В политических делах показал себя достаточно дальновидным. К примеру, в 1868 году возникла междоусобица в Бухарском эмирате, столкнулись эмир Бухарский и его старший сын. Генерал Абрамов не остался в стороне и принял решение незамедлительно поддержать эмира. В противном случае, если бы вдруг эмир проиграл, у русских появились бы новые проблемы в лице его амбициозного молодого сына. Именно благодаря мудрости генерала Абрамова русские войска не допустили новой бессмысленной войны, а эмир Бухарский остался на троне, и этот вариант устраивал всех в Петербурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.